

освобождение личности

ОТ РЕДАКЦИИ

Вот, наконец-то, и он, второй номер журнала "Освобождение личности". К сожалению, обстоятельства, среди которых разгильдяйство редактора далеко не последнее, помешали выпустить его раньше. Но так или иначе, по мере сил мы будем стремиться к идеалу - ежемесячному или, в худшем случае, двухмесячному режиму. На сегодняшний день уже набрано около половины материалов третьего номера, и надеемся, что он не заставит себя долго ждать.

Работая над номером мы постарались сделать упор на злободневности материалов и актуальности тем. Поэтому наряду со статьями, подготовленными специально для "Освобождения личности", мы решили поместить и наиболее интересные статьи авторов-анархистов, появившиеся в московской газете "Солидарность". Мы надеемся, что знакомство с ними заставит наших читателей задуматься над теми проблемами, которые сегодня столь актуальны и потому требуют ответа и со стороны анархистов.

****

****

Не секрет, что "маргинализация" нашего движения (то есть вытеснение его на обочину общественной жизни) объясняется не только усердной работой средств массовой информации по созданию образа "анархиста-бандита", но и неспособностью и нежеланием многих анархистов попросту задуматься над тем, какие альтернативы они могут предложить обществу. Выход из этой ситуации только один - ДУМАТЬ, СПОРИТЬ, ОБСУЖДАТЬ ЭТИ ПРОБЛЕМЫ. И, что особенно важно, в спорах и дискуссиях просто необходимо следовать девизу "Подвергай все сомнению", тщательно анализируя не только пропагандистские штампы вроде приватизации, парламентаризма и т.д., но и "священные догматы анархизма", сила которых может состоять только в их жизненности и дискуссионности. В этом смысле для анархиста не должно быть НИЧЕГО СВЯТОГО, ничего такого, что нельзя было бы обсуждать и критиковать. Так же, надеемся, вы отнесетесь и к материалам, опубликованным в нашем журнале.

Хочется надеяться, что статья "Поворотные моменты и передовые общественные теории" послужит началом такой дискуссии. Может быть авторам "Свободного договора" она покажется обидной или даже оскорбительной, но, честное слово, я ставил перед собой задачу критики, а не обвинений, причем критики идей, а не личностей. Поэтому я готов предоставить анархо-демократам возможность для публикации ответного материала на страницах "Освобождения личности", при условии, что он будет не слишком большим.

Несколько слов о планах "Освобождения личности". Одной из форм существования журнала может быть выпуск тематических номеров по различным проблемам анархического миросозерцания и конкретным вопросам. Нам было бы интересно узнать, какие темы больше всего интересуют читателей. Со своей стороны мы можем предложить следующие - "Самоуправление - местное и производственное", "Синдикализм: история, опыт и перспективы", "Индивидуализм", "Экология", "Национализм", "Марксизм - авторитарный и либертарный". Из тем, более приближенных к задачам сегодняшнего дня можно назвать прямое действие, сотрудничество с различными организациями (зеленые, радикальные либералы, Партия Труда, троцкисты), другие тактические проблемы. Статьи, мнения, реплики - приветствуются! Ограничения в основном по объему статей, хотя редакция оставляет за собой право самостоятельно отбирать статьи для публикации.

И последнее. К огромному нашему сожалению волна либерализации не обошла стороной и коммерческие ксероксы. В связи с этим себестоимость выпуска журнала возросла в несколько раз и на сегодняшний день будет составлять что-то вроде 15-20 рублей за один экземпляр. Нам все же хочется надеяться, что те материалы, которые мы публикуем в нашем журнале, представляют интерес для его читателей и они готовы помочь в выпуске журнала подпиской и добровольными пожертвованиями. Мы со своей стороны постараемся оправдать ваши надежды и всегда готовы выслушать замечания в свой адрес.

С наилучшими пожеланиями, Михаил Цовма.

МАНИФЕСТ ГКЧП-2

Близится годовщина победы Великой Августовской Капиталистической Революции. С того дня жизнь нашей Родины волшебно изменилась. Избавленная от власти коммунистической мафии страна расцветает с каждым днем. За рубль на толкучке дают по 10 долларов. Одно за другим открываются на Западе совместные предприятия с российским капиталом и дешевой западной рабочей силой. Российские посольства осаждены толпами желающих переехать к нам на постоянное место жительства и получить российское гражданство. Магазины переполнены разнообразными и дешевыми товарами. Расцветает демократия и плюрализм. Все политические партии получили равный доступ к телевидению и радиовещанию. Все это приводит к улучшению морального и социального климата России. По вечерним улицам наших городов можно ходить, не опасаясь получить нож в спину или бутылкой по голове. А днем улицы заполнены жизнерадостно улыбающимися нарядными людьми, у которых одна проблема: как потратить деньги...

Год назад нас в очередной раз жестоко надули. Лишний "путч" с бутафорскими баррикадами. Вожди враждующих сторон, ведущие закулисные переговоры и брезгливо смотрящие на толпы доверившихся им простаков. Бестолково мечущиеся по Москве танки без боеприпасов. Нагнетающие истерию, тошнотворно требующие крови и провоцирующие столкновения радиостанции. Отстраненно передающее ценные указания обеих сторон "захваченное" телевидение. Трое несчастных парней, павших при попытке остановить... уходящие от "Белого Дома" войска. Судорожные и неприличные попытки победителей сцементировать свою власть их кровью. И как венец всего - хамско-торжествующие слова "форосского узника": "Я вам все равно не сказал всего. И никогда не скажу".

И вот теперь этот гадкий и кровавый фарс решили увековечить. В газетах уже прошла информация о готовящемся торжественном праздновании победы над ГКЧП. Уже отштампованы медали. Уже сочинены торжественные поэмы и песни. Уже заготовлена восторженная массовка.

Если это удастся, то наши дети и внуки будут ходить в этот день с трехцветными флагами и портретами вождей. Они будут думать, что 19 августа произошла великая революция, и готовить о ней политинформации. А преподаватели общественных наук будут ставить им двойки за незнание номера танка, с которого выступал Ельцин.

Вы хотите этого позора? Мы - нет. Среди нас есть коммунисты и демократы, анархисты и люди вообще далекие от политики. Нас объединяет лишь неприятие нового фальшивого официоза, навязываемого народу властью.

Мы отметим их "революцию" по-своему. Будет и торжественное шествие. Будет и вручение наград, достойных этого светлого праздника. В общем, будет сделано все, чтобы немножко повеселиться и сильно испортить настроение новым хозяевам жизни. И сделано это будет во многих городах России.

Они хотят стриптиз? Они получат стриптиз!

Оргкомитет "АВГУСТ-92"

Своим непримиримо-враждебным отношением к любой форме государства анархисты отделили себя от всех других радикальных групп. Они верно следовали утверждению Бакунина о том, что любое правительство, вне зависимости от того, кто его контролирует, является орудием подавления. Не делали они исключения и для диктатуры пролетариата, несмотря на то, что это было основным требованием их союзников большевиков. Несмотря на то, что анархисты разделяли решимость Ленина свергнуть Временное правительство, бакунинские предупреждения насчет алчущих власти марксистов прочно сидели в их головах.

Эта скрытая подозрительность по отношению к "социалистам-карьеристам" проявилась в начале сентября, когда партия большевиков завоевала большинство в Московском и Петроградском Советах. "Свободная Коммуна", орган Петроградской Федерации анархистов, вспоминала неоднократно уже повторенные заявления Бакунина и Кропоткина о том, что так называемая диктатура пролетариата на деле означает "диктатуру социал-демократической партии". В прошлом, напоминал журнал своим читателям, каждая революция приносила с собой новых тиранов, новый привилегированный класс, устанавливающий свое господство над народными массами. Так давайте же надеяться на то, что народ будет достаточно мудр, чтобы не дать Керенскому и Ленину стать своими хозяевами - "Дантоном и Робеспьером" русской революции.

Союз анархо-синдикалистской пропаганды также разделял опасения Петроградской Федерации. "Наверху сидят бестолковые политиканы, пустые болтуны, бесстыдные предатели и жалкие трусы, не верящие в свободное творчество масс", - писал Всеволод Волин, новый редактор "Голоса Труда" (Раевский неожиданно оставил эту должность в августе, после выхода первого номера, и в дальнейшем не играл активной роли в движении).

Победа большевиков в Петроградском и Московском Советах была свежа в памяти лидеров анархо-синдикалистов, и они серьезно опасались, что роль Советов будет сведена лишь к функциям органов политической власти. Советы, как они представлялись анархо-синдикалистам, были неполитическими органами и выбирались непосредственно на местах без партийных списков. Их задачей было решение вопросов жилья, обеспечения продовольствием, занятости и образования; таким образом, они во многом напоминали французские

биржи труда. В первом номере "Голоса Труда" Раевский подчеркивал, что Советы родились спонтанно, а не "из головы того или иного партийного лидера"; русский народ не даст им попасть под господство профессиональных революционеров, как того очевидно желает Ленин, судя по его "полу-бланкистским" заявлениям в работе "Что делать?" Большевистский лозунг "Вся власть Советам!", писал Раевский, может быть принят синдикалистами, если он будет означать "децентрализацию и распыление власти", а не переход власти от одной группы к другой.

Но как можно было избежать политического насилия с его многочисленными формами и личинами? Только достигнув "полной децентрализации и самого широкого самоуправления местных организаций", - отвечал Александр Шапиро все в том же "Голосе Труда". Это повлечет за собой полное и основательное разрушение государства и даст гарантию от того, что какое-либо новое правительство когда-либо вырастет на его месте. Другими словами, русская революция должна стать подлинно социальной революцией. Первым шагом на пути к этому, - говорил один из анархистов на рабочей конференции в сентябре, должна стать немедленная всеобщая стачка. Нет законов истории, утверждал он, которые могли бы сдержать людей, нет предопределенных революционных этапов, в чем пытаются уверить нас социал-демократы. Ученики Маркса - меньшевики и большевики - обманывают рабочий класс "обещаниями царства божия на земле через сотни лет". Нет причин ждать, восклицал он. Рабочие должны предпринять прямое действие - не через сотни лет болезненного исторического развития, а немедленно! "Да здравствует восстание порабощенных и равенство доходов!"

Не меньше, чем перспектива "диктатуры пролетариата" анархистам была ненавистна и идея российского парламента. На их взгляд, голосование было лишь механизмом, который лишает личность власти над собой. (...) Еще в 1906 году, когда была избрана Государственная Дума, анархисты сделали ее мишенью нападок и оскорблений. И теперь, в 1917 году, с приближением выборов в Учредительное Собрание, их отношение к парламенту оставалось прежним. Общественное мнение было на стороне Собрания, поэтому даже большевики, которых вряд ли можно назвать горячими сторонниками парламентской демократии, считали благоразумным признать его на словах. Но анархисты, имевшие привычки говорить все без обиняков, обличали грядущий парламент как бесстыдный обман (...)

В сентябре и октябре, по мере приближения выборов, анархистские агитаторы обрушили настоящий шквал обличительной критики на идею представительной демократии. Русский народ, писал Шапиро в "Голосе Труда", должен подняться до осознания того, что никакой парламент не может пробить дорогу свободе, что свободное общество может стать реальностью только в результате "уничтожения всякой власти, которая только душит революционное творчество". За несколько дней до Октябрьской революции Владимир Шатов с замечательным ораторским мастерством проводил ту же идею на Всероссийской конференции фабрично-заводских комитетов.

Политическая власть в любой форме, начал он, "не стоит внеденного яйца". Русская революция по сути своей была не борьбой за право господства между партиями, а экономическим конфликтом, в котором определялось, кто будет "хозяином" в промышленности и сельском хозяйстве. До тех пор пока капиталисты владеют фабриками, продолжал Шатов, рабочие будут оставаться рабами, даже если будет установлена парламентская республика. (...) Подготовка к Учредительному Собранию есть лишь трата драгоценной энергии; она разделяет рабочих на различные политические фракции и тем самым разрушает классовую солидарность. (...) "Мы должны создавать экономические организации. Мы должны быть готовы, с тем чтобы на следующий день после революции привести в движение производство и управлять им".

Учитывая такое сильное предубеждение против парламента, кажется символичным, что именно анархист командовал отрядом, разогнавшим Учредительное Собрание в январе 1918 года и решившим его участь в один день. Получив приказ от нового большевистского правительства, кронштадтский матрос Железняков, в то время комендант Таврического Дворца, лишил Виктора Чернова его места угрожающим заявлением: "Караул устал".

В конце сентября "Голос Труда" опубликовал письмо от разгневанной женщины, жительницы Петрограда. Она заявляла, что сыта разговорами о свержении Временного правительства и требовала прямого действия без дальнейшего промедления. (...)

Автор письма по-видимому не знала, что в течение нескольких недель анархисты, большевики, левые эсеры и другие леваки вооружались с целью свергнуть правительство Керенского. Началось это в конце августа, когда генерал Корнилов предпринял попытку государственного переворота и продвигался к столице, заставив Керенского обратиться к левым за помощью. Фабзавкомы и рабочие союзы Петрограда спешно организовали части Красной Гвардии, состоявшие в основном из большевиков, но привлекшие значительное число анархистов, левых эсеров, меньшевиков и других радикалов, которых сплотила угроза контрреволюции. По мере того, как войска Корнилова подходили к столице, железнодорожники задерживали поезда, телеграфисты отказывались передавать сообщения генерала, а агитаторы активно вели пропаганду в частях, тем самым подрывая боевой дух войск. Юстин Жук, организовавший захват Шлиссельбургского порохового завода, отправил в столицу баржу гранат, которые Центральный Совет Петроградских фабричных комитетов распределил среди рабочих Выборгской Стороны. Однако прежде, чем успела пролиться кровь, афера Корнилова закончилась. Но судьба Керенского была предрешена, потому что теперь рабочие были вооружены и консолидировались под руководством крайне левых. Ирония заключалась в том, что марш Корнилова на Петроград проложил путь к свержению правительства заклятыми врагами генерала. (...)

В середине сентября Керенский, отчаянно пытаясь получить народную поддержку его пошатнувшегося режима, собрал представителей Советов, кооперативов, профсоюзов, местной администрации для участия в "Демократическом совещании".

проходившем в столице. Анархисты высмеяли ассамблею как "контрреволюционное фиаско", последнюю судорогу умирающей эры. Большевики приняли участие, но в качестве неуправляемой оппозиционной группы. А когда конференция организовала "предпарламент", на открытии сессии 7 октября, Троцкий и его товарищи голосовали ногами.

С этого момента события развивались стремительно. Большевики и их союзники удвоили усилия с целью набора красногвардейцев и обеспечения их оружием и аммуницией. "На заводах помещения комитетов были завалены винтовками. Приходили и уходили связные, обучалась Красная Гвардия", – писал Джон Рид. Во вторую неделю октября Петросовет учредил Военно-Революционный Комитет, который, под талантливым руководством Троцкого должен был вскоре осуществить свержение Временного правительства. Хотя большевики доминировали (48 человек), 14 левых эсеров и четверо анархистов – среди них и Шатов – также принимали в нем активное участие. (...) Действия ВРК не заставили себя долго ждать. 25 октября Красная Гвардия, части гарнизона и кронштадтские моряки заняли ключевые точки города, не встретив сопротивления нигде, кроме Зимнего дворца. В отличие от массового восстания в феврале, государственный переворот был совершен относительно небольшим числом решительных людей – "вряд ли более 25 или 30 тысяч", если верить Троцкому. Этот факт в значительной степени и определил все последующие события.

Октябрьская революция вызвала огромные надежды и взрыв революционного идеализма и веры в наступление Золотого Века. (...) Хотя анархисты разделяли эту радость, в то же время они были очень озадачены провозглашением "Советского правительства". Они помогли большевикам сбросить правительство Керенского, слепо надеясь на то, что "творческие массы" не допустят возникновения на его месте никакого другого правительства. Игнорируя предостережения Бакунина и Кропоткина против политических переворотов, они приняли участие в захвате власти, поверив, что власть, будучи захвачена, может каким-то образом раствориться и исчезнуть. Но теперь, с провозглашением "Советского правительства", их старые опасения по поводу "диктатуры пролетариата" вернулись.

Первый удар они получили на следующий день после восстания, когда большевики создали Совет народных комиссаров, состоявший исключительно из членов их собственной партии. Анархисты незамедлительно начали протестовать, заявляя, что подобная концентрация политической власти погубит социальную революцию. Успех революции, настаивали они, зависит от децентрализации политической и экономической власти. "Мы призываем угнетенных", – писал "Голос Труда" вскоре после восстания, – "отказаться от любых форм господства. Мы призываем их создавать собственные непартийные рабочие организации, свободно организовываться в городах, деревнях, волостях и губерниях, помогая друг другу..." Советы, предупреждал синдикалистский журнал, должны остаться децентрализованными органами, свободными от контроля со стороны партий и так называемых народных комиссаров. Если какая-либо политическая группировка попытается превратить их в инструмент

Григорий Максимов и Александр Шапиро, активисты Союза анархо-синдикалистской пропаганды, члены редакции "Голоса Труда".

принуждения, люди должны быть готовы еще раз взяться за оружие. (...) "Где начинается власть", - восклицал "Голос Труда", - "там кончается революция!"

Следующий удар анархисты получили неделю спустя. 2 ноября Советское правительство опубликовало "Декларацию прав народов России", подтверждавшую "неотъемлемое право" каждой нации на самоопределение путем создания независимого государства. Для анархистов это было шагом назад, контрреволюционным отступлением от идела интернационализма и безгосударственности.(...)

Встревоженные аппетитом большевиков к власти, анархисты тревожились о том, чтобы новый режим не нарушал автономию фабричных и цеховых комитетов и не пытался "обуздать" рабочий контроль над производством. (...) Но если индустриальная программа предложенная большевиками сразу после Октябрьского переворота показалась анархо-коммунистам слишком умеренной, то анархо-синдикалисты не имели особых причин для огорчения. Действительно, они могли испытать легкое чувство облегчения, поскольку первый проект декрета о рабочем контроле, написанный Лениным, имел сильный синдикалистский оттенок. Он был опубликован 3 ноября и предполагал введение рабочего контроля на всех предприятиях, где было занято 5 или более работников или обладавших оборотом более 10 тысяч рублей в год. (...) В окончательном своем варианте декрет о рабочем контроле сделал фабричный комитет контрольным органом на каждом предприятии, хотя комитет и должен был отчитываться перед местным советом

рабочего контроля, подчинявшимся Всероссийскому Совету рабочего контроля. На практике, однако, реальная власть принадлежала местному фабричному комитету, который уделял мало внимания новой иерархии контрольных органов. (...)

Целью декрета было дать мощный толчок к развитию одной из разновидностей синдикализма, при которой рабочие на местах, а не всеобщий профсоюзный аппарат контролирует средства производства - разновидности синдикализма, граничащей с полным хаосом. Накануне Октябрьской революции рабочий контроль, хотя и был очень распространен, принял пассивную, созерцательную форму; случаи прямого захвата предприятий или прямого вмешательства в управление были немногочисленны, особенно в сравнении с многочисленными случаями захвата земли крестьянами черноземных губерний. Получив официальную санкцию, однако, рабочий контроль быстро распространился, приняв более активную форму.

Многие рабочие были убеждены, что новый декрет передал средства производства в их руки, и на протяжении нескольких месяцев после революции, русский рабочий класс наслаждался уникальными в своей истории степенью свободы и ощущением силы. Но чем больше рабочих заявляли о своих неотъемлемых правах, тем ближе страна приближалась к пропасти экономического развала. Выпустив столь радикальный декрет, Ленин безусловно предвидел, что он ухудшит и без того хаотическую ситуацию, но отдавал тактический приоритет обеспечению поддержки правительства рабочими, обещая им скорое осуществление их утопии.

К концу 1917 года эффективное управление стремительно исчезало из русской экономики. Британская профсоюзная делегация, посетившая Россию в 1924 году, докладывала, с характерным английским подтекстом, что рабочий контроль в 1917 году оказал "очень плохое влияние на производство". Рабочие, говорилось в докладе, в один день превратились в некую разновидность акционеров. Подобные же оценки высказывал и большевистский наблюдатель в начале 1918 года: рабочие, писал он, считали инструменты и оборудование "своей собственностью". Случаи грабежа и воровства были не редки. (...) Местные фабричные комитеты посылали в провинцию толкачей для закупки горючего и сырья, иногда по баснословным ценам. Зачастую они отказывались делиться имевшимися у них материалами с другими предприятиями, находившимися в еще большей нужде. Местные комитеты чудовищно поднимали заработную плату и цены, по возможности сотрудничая с бывшими хозяевами за специальные "премии". (...)

Одним из самых разоблачительных признаний было замечание известных русско-американских анархистов Эммы Гольдман и Александра Беркмана, посетивших предприятия Петрограда в 1920 году, о том, что табачная фабрика Лаферма была в относительно хорошем рабочем состоянии только потому, что бывший владелец и управляющий сами занимались управлением. (...)

Профсоюзные деятели, как из меньшевистской, так и из большевистской фракций, отстаивали идею государственного контроля над производством. Представители профсоюзов упрекали фабричные комитеты в эгоистичном накопительстве в интересах их предприятий, в фанатичном патриотизме "своей хаты"; они предупреждали, что "местная гордыня" фабричных комитетов может нанести невосполнимый урон национальной экономике. (...) Анархо-

синдикалистов из "Голоса Труда" часто обвиняли в поощрении этого "местнического" взгляда и "кустарничества" из-за их упрямого отрицания необходимости центральной власти, как экономической так и политической.

В то время как профсоюзные деятели атаковали рабочий контроль справа, как синдикалистскую иллюзию, анархо-коммунисты осыпали его проклятиями как компромисс с капиталистической системой и продолжали призывать к прямому захвату фабрик, шахт, портов и железных дорог рабочими на местах. Пока существуют капиталистические рамки, писал Аполлон Карелин в газете Петроградской Федерации анархистов "Буревестник", рабочий остается рабочим, а хозяин хозяином; чисто символическая роль в управлении производством или определении продолжительности рабочего дня не может изменить фундаментального отношения "раб-хозяин". Необходимы более решительные меры, заявлял "Буревестник". Нужно полностью разрушить буржуазный мир и открыть дорогу новым формам труда, "основанным на свободе, а не на рабстве". Рабочие массы призывали развернуть черное знамя анархизма и выйти на баррикады против нового правительства. "Разоблачайте ложь Учредительного Собрания, несостоятельность "контроля над производством" и вред и опасность государственной централизации", - восклицал "Буревестник". (...)

Большевики, конечно же, не собирались поддерживать захват фабрик. Не собирались они терпеть и рабочий контроль, даже в ограниченной форме, в течение неопределенного периода. Ленин узаконил рабочий контроль чтобы получить поддержку рабочего класса, но он вряд ли мог позволить рабочим разрушить русскую экономику и его правительство вместе с ней. (...) Он стал инициатором серии мер, призванных установить государственный контроль над рабочими комитетами и передать регулирование производства в руки центральной власти.

В качестве первого шага Ленин создал 1 декабря Всероссийский Совет народного хозяйства (ВСНХ), поручив ему разработку плана регулирования экономической жизни страны. Новый орган вобрал в себя Всероссийский Совет рабочего контроля и разрабатывал планы всеобщего регулирования национальной экономики. Хотя "синдикалистский поток" не мог быть перекрыт в одну ночь, - рабочий контроль со стороны местных фабричных комитетов должен был действовать до лета 1918 года, - был предпринят важный шаг на пути к огосударствлению экономики.

Прежде чем функция регулирования экономики могла быть передана правительству, необходимо было ограничить свободу промышленных рабочих. Поэтому был брошен призыв к "железной дисциплине" на фабриках и шахтах, а профсоюзы, которым Ленин до сих пор отводил второстепенную роль по сравнению с фабричными комитетами, были избраны в качестве силы, которая наведет порядок в хаотичном пролетарском мире. Задачей профсоюзов, по словам одесского анархо-синдикалиста Пиотровского, должно было стать поглощение фабричных комитетов и перевод рабочего контроля в государственный контроль.

Решительные меры по огосударствлению русского рабочего движения были предприняты на Первом Съезде профессиональных союзов, проходившем в Петрограде 7-14 января 1918 года, сразу после разгона Учредительного Собрания. Из 416 делегатов с правом

голоса, представлявших около двух с половиной миллионов членов профсоюзов, большевики обладали подавляющим большинством в 273 голоса, не считая левых эсеров (21 делегат), голосовавших вместе с ними. Меньшевики имели 66 делегатов, в то время как анархо-синдикалисты, которые в основном оставили профсоюзы в пользу фабричных комитетов, только шесть. Остальными делегатами были 10 правых эсеров, 6 максималистов и 34 беспартийных рабочих.

Дискуссии на съезде сосредоточились на природе русской революции. В своей обширной речи Юлий Мартов высказал меньшевистскую точку зрения о том, что Россия переживает "буржуазно-демократическую" революцию, в которой отсутствуют фундаментальные предпосылки для достижения социализма. (...) По сравнению с другими странами Россия была более отсталой, заявлял его коллега, а "более отсталые страны, с марксистской точки зрения, менее всего способны перейти к социализму". (...) Известный исследователь марксизма Д.Б.Рязанов, хотя незадолго до этого и перешедший на сторону большевиков, в целом согласился с мнением меньшевистского делегата. (...) Социализм, в конце концов, невозможно построить в одну ночь, сказал Рязанов, повторяя ленинскую фразу из "Государства и революции".

Меньшевики присоединились к большевикам в критике анархистов за их преждевременные попытки установить безгосударственное общество. Делая сегодня упор на "индустриальный федерализм", заявлял большевистский профсоюзный деятель Лозовский, анархо-синдикалисты вовлекают нас в идиллический поиск "синей птицы счастья"; реалистическая оценка текущей ситуации на фабриках ясно показывает , что России требуется "централизованный рабочий контроль" в соответствии с генеральным планом. Меньшевистский делегат указал на тот факт, что "анархическая волна" в виде фабричных комитетов и рабочего контроля "захлестнула русское рабочее движение". Присоединяясь к нему в этой критике, Рязанов посоветовал фабричным комитетам "совершить самоубийство", став "интегральным элементом" в профсоюзной структуре.

Шестеро анархо-синдикалистов вели отчаянную схватку за сохранение независимости комитетов. Это абсурд, восклицал Григорий Максимов, будто Россия находится на буржуазной стадии революционного развития. Благодаря фабричным комитетам капитализм и самодержавие "схвачены за горло". (...) Максимов заявил, что он и его товарищи анархо-синдикалисты были "более марксистами", чем меньшевики и большевики. Это заявление вызвало большое возбуждение в зале. Он несомненно намекал на мысли Маркса о том, что освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих, о перманентной революции, которая заменит государство вольным обществом, построенным по образцу Парижской Коммуны.

Напряжение на съезде достигло апогея когда Владимир Шатов охарактеризовал профсоюзы как "живые трупы" и призвал рабочий класс "организовываться на местах и создавать свободную новую Россию без бога, без царя и без хозяина в профсоюзе". Когда Рязанов попытался протестовать против нападок Шатова на профсоюзы, Максимов встал на защиту своего товарища, отводя возражения Рязанова как интеллектуала-белоручки, который никогда не работал, никогда не потел, никогда не чувствовал жизни.

Другой анархо-синдикалистский делегат, Лаптев, напомнил собравшимся, что революцию совершили "не только интеллектуалы, но массы"; поэтому в России необходимо "прислушиваться к голосу рабочих масс, голосу снизу..."

Но лидеры большевиков считали, что не было более необходимости прислушиваться к разрушительному голосу снизу. Пришло время, считали они, выступить вместе с защитниками государственного контроля в промышленности, централизованного экономического плана и всеохватывающего аппарата профсоюзов. Весной и летом 1917 года, когда целью Ленина было свержение Временного правительства, он объединил свои усилия с анархистами, в частности с анархо-синдикалистами, поддержав фабричные комитеты и рабочий контроль. Теперь, когда большевистская революция была в безопасности, он оставил силы разрушения ради сил централизации и порядка, войдя в союз с профсоюзными защитниками государственного контроля. В конце концов Первый Съезд профсоюзов проголосовал за превращение фабричных комитетов в первичные организации профсоюзов. Большевистские лидеры, однако, отмежевались от тех профсоюзных деятелей, которые требовали, чтобы профсоюзы оставались "нейтральными" организациями, то есть существовали бы независимо от государства. Нейтральность профсоюзов была заклеймлена как "буржуазная идея", аномалия в рабочем государстве.

С "огосударствлением" профсоюзов и превращением фабричных комитетов в местные профсоюзные организации (для начала хотя бы только на бумаге), фабричные комитеты стали "государственными институтами", как того и желал Ленин. Далее съезд подчеркнул, что рабочий контроль не означает "передачи предприятий в руки рабочих", но "нераздельно связан с общей системой регулирования", действующей в соответствии со всеобщим экономическим планом. В результате, рабочим комитетам было приказано "совершить самоубийство", как и предлагал Рязанов, бросившись в объятия профсоюзного аппарата. Таким образом, грозное предостережение Пиотровского о том, что профсоюзы поглотят фабричные комитеты, сбылось.

Хотя и расстроенные этими преобразованиями, анархисты не считали себя побежденными, не перестали они ждать Золотой Век. Их предупреждения о том, что большевики были кастой интеллектуалов, предавших массы, раздавались громче, чем прежде. Анархисты настаивали на том, что именно массы в первую очередь совершили революцию, и что Ленин и его партия просто воспользовались силой спонтанного потока снизу.

Это был крик фрустрированных идеалистов, боявшихся, что свободное общество ускользало из их рук. (...) Большевики стремились не к совершению революции, а замедлению ее и переводу в коммунистическое русло, или, как писал Максимов двадцать лет спустя пытались уложить ее в "Прокрустово ложе марксизма". Исключительные достижения большевиков как раз и состояли в том, что они смогли использовать стихийное стремление масс к хаотичной утопии.

(Продолжение следует)

ГИДРА ИМПЕРИАЛИЗМА И КАБИНЕТ ИЗМЕН

Последнее время в нашей стране появилось много радетелей национальных интересов. Это, в общем, не должно вызывать удивления: на пути к власти всегда клянутся чем-то существенным. Но почему бы не предположить, что национальные интересы есть и у других стран, например, у тех, которые сейчас так благородно оказывают нам гуманитарную помощь? Трудно ожидать, однако, что умиленные нашим стремлением к свободе и полные сочувствия к нашей нищете, они при этом забудут об этих самых СВОИХ интересах.

Даже сейчас, после краха КПССовского режима, иногда полезно бывает послушать зарубежное радио - бывает, что наступает момент истины. Так, еще не успели чехи и словаки сами привыкнуть к тому, что их нынешние лидеры ведут страну к разделению надвое, еще сопротивляется развалу федерации, ссылаясь на Конституцию, президент Гавел, а уже радио "Свобода" доносит до нас бодрый комментарий британской печати: "Фактически мы должны признать, что имеем дело с новым государственным субъектом в Европе - независимой Словакией". Помилуйте, отчего такая прыть? Литву не признавали очень долго, так что все литовские демократы, вкупе с российскими, страшно изнервничались; со Словенией и Хорватией тянули больше полугода; Нагорный Карабах и Приднестровье никто признавать и не думает, а тут...

Все очень просто. Чехословакия - единственная вполне "доразвитая" в промышленном отношении страна бывшего "восточного блока". Потому добрым западным соседям и выгодно подталкивать потенциального конкурента к развалу - ведь это неизбежно и не лучшим образом скажется на экономике Чехословакии. И никакая демократическая общественность на Западе не высказывает своего возмущения кознями "империалистической гидры": идиотов нет, национальные интересы своих стран на Западе свято соблюдают и правительства и оппозиция.

Ту же линию можно наблюдать и в отношении нашей страны. Любому интересующемуся состоянием мировой экономики или хотя бы предвыборной борьбой в США известно, что Запад вступил в очередной циклический кризис перепроизводства в точном соответствии с классической политэкономией. Этим, в частности, и объясняются переполненные прилавки коммерческих магазинов и киосков. Западные коммерсанты охотно продают лежалый товар нашим "предпринимателям", которые, в свою очередь, за несметные тыщи перепродают его падким до ярких побрякушек "аборигенам". Однако западные дельцы прекрасно понимают: на одних побрякушках и дешевом псевдо-коньяке много не заработаешь. Необходимо массированное вторжение на советский рынок. А оно, в свою очередь, должно быть подготовлено. Как? Надо устранить конкурентов, каковыми являются отечественные производители качественных товаров и средств производства, то есть предприятия тяжелого и среднего машиностроения, радиоэлектронная и легкая

промышленность. Да, вопрос стоит именно так: уничтожение ВСЕХ более или менее развитых отраслей нашей экономики находится в русле интересов деловых кругов Запада... Очевидно, что западные советчики нашего "кабинета реформ", как люди вовсе не злонамеренные, но прагматичные, а потому соблюдающие во всем прежде всего СВОЙ интерес, и советы дают "Мальчишу-Плохишу и его команде" соответствующие. А те и давай скорее выполнять...

Если бы столь же прагматичным было и российское правительство... Ну, в самом деле, кому будет лучше, если всюду появятся зарубежные товары, немедленно вытесняющие отечественные, которые хоть и пониже качеством, но все же и не бросовые? Потребителям? Ничуть не бывало! Не надо забывать, что потребители (они же производители) - это мы с вами. А нам нужны не только импортные телевизоры, холодильники и пылесосы, но и деньги, на которые мы смогли бы их купить. Деньги же эти - вот ведь странность - мы зарабатываем, производя... отечественные телевизоры, холодильники и пылесосы. Во всех странах правительство заботится о состоянии внутреннего рынка - вспомните "автомобильную войну", ведущуюся в США с японскими компаниями, покровительственные для национальной промышленности стопроцентные пошлины на сложную импортную технику - от компьютеров до утюгов - в Израиле... И только плутоватая "Команда Гайдара", объявившая себя "кабинетом реформ", делает вид, что ничего этого в развитых странах не существует, что это - "наследие коммунизма".

Правительство, действительно заботящееся о возрождении страны, неизбежно должно было бы опереться на потенциал тех отраслей, чья продукция более или менее соответствует мировым стандартам, тем более что в прежние годы на них тратилась изрядная часть национального дохода. Только глупый хозяин или скверный приказчик стал бы разбазаривать этот овеществленный капитал целой страны. Как же нам относиться к правительству, которое в угоду МЕЖДУНАРОДНОМУ (то есть ИНОСТРАННОМУ) валютному фонду поставило под удар самые передовые производства? Требования "оборонщиков" - никакой не групповой эгоизм, о котором так любил говорить Горбачев. Если в ближайшее время политика правительства, ведущая к еще большему разорению экономики страны, не будет В КОРНЕ пересмотрена, мы вправе считать гайдаровскую "команду" правительством национального предательства, "кабинетом измен".

Влад ТУПИКИН

****
О С В О Б О Ж Д Е Н И Е   Л И Ч Н О С Т И

N 2, август 1992 г. Редактор Михаил Цовма
Адрес редакции: 109462 Москва Волжский бульв., д.21, кв.62
****

Журнал издается пропагандистской Группой им.Алексея Борового на добровольные пожертвования и средства полученные от подписки.

ДЛЯ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛ И ДРУГИЕ ИЗДАНИЯ ГРУППЫ ИМ. АЛЕКСЕЯ БОРОВОГО ВЫ МОЖЕТЕ ПЕРЕВЕСТИ ПОЧТОВЫМ ПЕРЕВОДОМ НА АДРЕС РЕДАКЦИИ НЕОБХОДИМУЮ СУММУ. НА БЛАНКЕ ПЕРЕВОДА УКАЖИТЕ, НА КАКИЕ ИЗДАНИЯ ВЫ ПЕРЕЧИСЛЯЕТЕ ДЕНЬГИ.

СКРОМНОЕ ОБАЯНИЕ МЕЛКОЙ БУРЖУАЗИИ

Все рушится. Нагляднее всего - экономика. Уровень жизни соскользнул с планки "расцвета развитого социализма" и съехал в хрущевскую "оттепель". Политика тоже - туда же. Глазки - на Запад, руки - на восток - нефть, лес, металл - все сгодится. Переплавим, перепилим - назовем "изделием" - за кордоном опять превратят в сырье и заплатят в твердой валюте. Партбилет в архив, трехцветный флажок - на лацкан. Я вам теперь не "собака-коммунист", а "владелец заводов, газет, пароходов", "отец российской демократии" и спаситель отечества. Когда от него (отечества) ничего не останется, поеду на Атлантическое побережье - мемуары писать.

Экология - понятное дело - рушится быстрее всего. Что ни год - несколько процентов территории "бывшего СССР" становятся непригодными для проживания. Так что скоро разговоры о темпах роста производства сделаются неактуальными.

Если общество рушится, значит, из-под него выбили социальную опору. Оно никому не нужно. Собственно, наш "деидеологизированный" режим держится только на идеологии, на мифах - "тысячелетней российской государственности", "частной собственности" (ее все норовят спутать с рынком) и "демократии".

За мифами - мафия. Все та же номенклатура. Говорит по-новому, делает все по-прежнему - для себя. Но мы-то с вами знаем - выстрадали эту мысль: эта номенклатура (она же - бюрократия, она же - "сильная исполнительная власть") фатально некомпетентна, эгоистична и к тому же крови не боится. Она нас сюда завела и именно поэтому не сможет вывести.

Нужна другая социальная сила. Рабочие? Но номенклатура формировала их по своему образу и подобию. Рабочий должен подчиняться, на худой конец - подчинять (мечта о "диктатуре пролетариата"). Пока он может свергать старых вождей и ставить на их место новых. Стоит ли игра свеч?

Колхозники мало чем отличаются от рабочих, только более забиты.

Интеллигенция? Когда я вижу вполне интеллигентных (в быту и на службе, но в душе ли?) людей, с остервенением скандирующих на митинге "Ельцин!", мне вспоминается "человеческая икра" из фильма "Обыкновенный фашизм". В этом не стоит винить ни Ельцина, ни митингующих. Дело в универсальных инстинктах толпы. Из них возникло нынешнее общество. Не им его заменить.

Ни один из существующих в старом обществе социальных слоев не годится для того, чтобы стать основой нового общества. И именно поэтому все они годятся для этого. Только нужно перешагнуть через то, что делает тебя фундаментом режима.

Рабочий, который стремится участвовать в управлении своим предприятием, который заключает договора между бригадами и компетентно обсуждает решения начальства - это уже не вполне рабочий. Это уже и менеджер, и интеллигент. Таких пока мало, да и уходят они с государственного производства. А если рабочее ме то станет собственностью работающих?

Колхозник, вернувший себе землю, но сохранивший "общинные" связи с соседями - это уже крестьянин. А если он вышел на рынок, построил перерабатывающий завод? А если у него "в избе" компьютер? Все еще крестьянин. Но и менеджер. И интеллигент.

Служащий, ученый, который работает не на ведомство, а на себя. Который пишет и считает для смежников, найденных им же или членами небольшой группы, в которую он входит. Хлопотно? Суетно? Не все сразу. Чтобы превратиться из служащего в интеллигента, нужно искать свободу. А для этого нужно быть и менеджером самому себе, управлять самим собой. Самоуправляться.

Да и сам менеджер, управленец, равный среди первых в небольшой группе, которая сделала его штурманом в рыночном море - не капиталист. Он не может отдать военного приказа, но только - мудрый совет. Распадается сложная управленческая иерархия корпораций и государств - она не нужна этому социальному слою. Человек из "нового класса" - сам себе трудяга, управленец, исследователь, предприниматель - работник малой производственной группы, своего рода "общины".

Бюрократическая диктатура назвала его мелким буржуем. Мелкобуржуйская опасность преследовала коммунистических чиновников, словно страшный сон. Рабочие выступают за самоуправление - мелкобуржуазный анархизм проявился, надо высылать войска. Махновцы раздали крастьянам отобранный у них же хлеб - мелкобуржуазный бандитизм. Партийный чиновник засомневался в правильности изгибов генеральной линии - мелкобуржуазный уклон.

А почему, собственно, "мелкая буржуазия"? Почему буржуазия, если человек сам пашет, хотя и на себя. На Западе этот слой называют "средним" (что мало о нем говорит). Именно он лежит в основе гражданского общества, немного потеснившего там всевластие государства. Жить от этого, как известно, не хуже.

Конечно, и на Западе, этому слою (назовем его гражданским) мешают жить. Ведь человек из гражданского слоя (или класса) не любит слепо выполнять приказы - у него своя голова на плечах. А в правовом государстве, основанном на власти менеджеров, на

"вертикальных" отношениях, это пока приходится делать. Но гражданский слой предпочитает "горизонталь", отношения равноправных, и он сопротивляется - то покроет Париж баррикадами (1968 г.), то блокирует атомную станцию, то поднимает людей на борьбу с налогами (Британия 1989-91 гг.).

Источник непобедимости гражданского класса на Западе - компьютерная революция. Компьютер обеспечил распространение информации, сделал сложную управленческую иерархию излишней. А значит, обеспечил "горизонтальные" отношения, разрастание гражданского класса, своего рода гражданскую революцию.

Гражданский класс формируется и у нас. В зазорах между сферами влияния номенклатурных монополий, в трещинах обветшалой государственности, вокруг проникающей в страну оргтехники. Небольшие митинги, фирмы, "тусовки", издания, фермы - продукты его жизнедеятельности и борьбы за существование. Если мы поможем ему выжить, у нашей страны есть шанс.

Александр ШУБИН
(Впервые опубликовано в газете "Солидарность")

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ
"ОСВОБОЖДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ"

* Анархизм Ноама Чомски. (Краткий очерк философских идей одного из самых известных современных анархистов, профессора Массачусетского технологического института)

* Пол Аврич. Анархисты и большевистский режим

* Интервью с активистом польской Федерации анархистов

* Второй съезд Российской партии Зеленых

* Поэт-анархист Уолт Уитман

ДВА СЛОВА О СЫТОМ И СВОБОДНОМ КАПИТАЛИЗМЕ

В западном, в основном американском, анархизме существует правое крыло, известное под именем "либертарного капитализма". Идеи этой школы возникли как реакция на монополистический капитализм, сущность этой философии составляет представление о том, что подлинно рыночная экономика является здоровым явлением, и что люди работают лучше, когда заботятся о своих собственных экономических интересах. Система частных предприятий, с точки зрения "либертарных капиталистов", является самым оптимальным вариантом. Те же самые идеи можно теперь услышать и в бывшем Советском Союзе, где существовала особенно жесткая форма монополистического капитализма – государственный капитализм, а командная экономика создала систему производства, приведшую к острейшему потребительскому кризису.

В дискуссиях сторонники вышеупомянутой философии зачастую делают оговорку, что их видение капитализма обязательно предполагает свободное предоставление капитала всем, кто в этом заинтересован. Здесь-то и лежит основное противоречие этой философии.

В случае, если бы капитал был предоставлен всем, кто в нем нуждается, могла бы существовать некоторая система конкуренции. Однако мировой рынок все в большей степени контролируется не отдельными личностями, занимающимися бизнесом, а мультинациональными и другими крупными монополиями, как раз и опирающимися на то, что они имеют доступ к непропорционально большому капиталу. Это позволяет им развивать технологию и эксплуатировать неравномерность развития мирового рынка, чтобы производить более дешевые и потому пользующиеся большим успехом товары.

Мультинациональным корпорациям и их вспомагательным структурам удалось занять господствующее положение на американском потребительском рынке в основном за счет снижения цен конкуренции. Этого, однако, они достигли в основном за счет эксплуатации разницы в курсах валют и уровнях жизни. Сегодня как можно больше продукции производится за пределами Соединенных Штатов с тем, чтобы прибыль возрастала просто в силу дешевизны рабочей силы в других странах. В результате в самой Америке некоторые производства были просто уничтожены, что привело к росту безработицы, общему ухудшению положения простых американцев, появлению городов, которые больше не обеспечивают работой своих жителей, а стоят, как памятники эпохи упадка. А когда закрываются крупные производства, вроде автомобильных заводов фирмы "Крайслер", по счетам приходится платить рядовым налогоплательщикам, то есть трудящимся.

В то время, как мультинациональные и другие крупные компании стремятся захватить контроль над большей частью мирового богатства, Восточная Европа представляет для них отличную возможность... Например, "Макдональдс", чья популярность в

Америке основывается на том, что его пища дешевле, чем у его конкурентов, может чудесно чувствовать себя в Москве несмотря на

- Летим в СВОБОДНУЮ страну!
- Ты ошибся, приятель. Это пассажирский лайнер, а не ковер-самолет!

высокие затраты, поскольку у него нет конкурентов. "Как вы можете объяснить человеку, что "Макдональдс" это плохо, если там так красиво, обслуживание чудесное, а еда такая вкусная?" - спрашивают меня здесь. Та же проблема существует и в Америке, где довольно большое число людей участвует в международном бойкоте "Макдональдс". Обычно людей не заботит то, что работники "Макдональдс" в Америке одни из наиболее жестоко эксплуатируемых, что огромное количество бумаги, необходимое его закусочным, приводит к вырубке влажных тропических лесов в Бразилии, тем самым представляя серьезную экологическую угрозу планете. Хищническое истребление лесов вынуждает местных жителей покидать свои родные места, тем самым создавая замкнутый круг нищеты и преступности, составляющих разрушительную силу в этой стране.

Именно отношение типа "какое мне до этого дело?" помогает продолжать эксплуатацию стран третьего мира и продлевать жизнь капитализма. Поэтому международная кампания бойкота "Макдональдс" в основном сосредоточилась на вопросах, касающихся каждого лично, например, на том, что пищевые продукты "Макдональдс" способствуют возникновению раковых и других заболеваний. Как только это было доказано, многие покупатели стали обходить Мак стороной. Поняв, что так можно потерять все прибыли, "Макдональдс" был вынужден ввести в свое меню "здоровые" блюда. А это означает, что бойкот должен основываться уже на глобальных проблемах.

Кто-то может сказать, что глобальные проблемы не имеют значения, когда ты голоден. Национальные проблемы, как будто, тоже теряют свою важность. Это особенно хорошо видно в стране, где многие люди пытаются заработать деньги спекуляцией, которая отрицательно сказывается на остальных, получающих всего несколько сот рублей в месяц. Даже поступающая с Запада "гуманитарная помощь" продается в коммерческих киосках ради получения прибыли. Забудьте о гуманизме, миром правят деньги!

Американские левые, обладающие сегодня многолетним опытом, пришли к выводу, что в подобной системе многое устроено "не

так". Результаты деятельности крупного капитала ощущаются во всем мире. При такой системе любое улучшение для одной стороны оборачивается потерями для другой. Представление о том, что все люди в какой-то степени выигрывают от этой системы, это миф. Из-за того, что достаточно большой процент американцев живет хорошо, многие не дают себе труда задуматься над тем, что экономика лишает довольно значительную часть населения этой возможности. (В Нью-Йорке, например, около ста пятидесяти тысяч бездомных. Из тех же, у кого есть жилье одна треть получает материальную помощь, то есть живет в бедности и, если бы не эти выплаты, жила бы впроголодь. Этой зимой вновь десятки людей умрут от холода, десятки других, если не от голода, то от болезней, вызванных недоеданием).

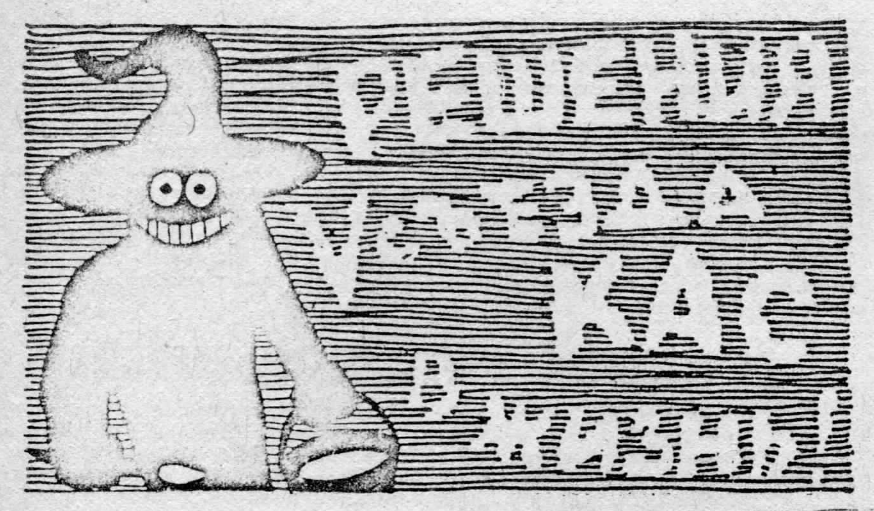
Недавно в Америке разразилась депрессия, сильно отразившаяся на трудящихся, а это значит, что бедность, которая в американской идеологии, основанной на протестантской этике, традиционно считается следствием лени, стала одной из важнейших проблем. Сегодня все больше людей приходит к выводу, что нищета это следствие сложившейся в США экономической структуры.

С точки зрения радикальных левых и анархистов (в данном случае исключая либертариев) эта система не может быть реформирована. Экономические проблемы капитализма и порождаемые им явления (нищета, ведущая к росту преступности, моральное разложение, острое, физически ощутимое отчаяние), вызывают отрицательную реакцию даже со стороны тех, кто имеет работу и достаточно стабильное материальное положение. Физическое отчуждение от жизни, сущность которой составляет работа на предпринимателя, остро переживается многими людьми. Атмосфера удушья приводит к тому, что работники испытывают большие психологические проблемы. (Если бы американцы могли прожить с "советским отношением к труду", они бы так и поступили). В результате тысячи людей пытаются найти духовный смысл в жизни даже ценой потери материального комфорта. Другие, кажется, пытаются компенсировать ощущение свой несчастности за счет все возрастающего потребления.

Единственная по-настоящему здоровая альтернатива разрушительному экономическому порядку может быть найдена в политике глобального осознания - осознания последствий каждого своего шага. Именно такое мировоззрение позволяет нам рассматривать всех людей в их взаимосвязи друг с другом. И именно в силу этого нас заботят проблемы людей живущих рядом с нами и за сотни километров от нас.

Наши поиски мира, в котором человеческий потенциал каждого может быть реализован, в конечном счете являются поисками мира, где судьба человека зависит больше от его поступков, а не от таких произвольных факторов, как место рождения, материальное положение родителей, пол, цвет кожи и т.д. Этот мир, ошибочно называемый утопией, может существовать лишь там, где люди, как равные друг другу индивиды, контролируют базисные экономические структуры, где есть уверенность в том, что все производимое человеком отвечает его потребностям.

Лора АКАЙ (Нью-Йорк)

О ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В СТРАНЕ И ЗАДАЧАХ КАС

После августовских событий 1991 года в стане фактически был установлен режим буржуазной диктатуры. Общественные силы, действительно отстаивавшие подлинные демократические ценности, сделавшие все для свержения коммунистического тоталитаризма, увидели перед собой новых, еще более сильных и циничных правителей. Новые власти дискредитировали само понятие "демократия", которое воспринимается теперь большинством народа, как бессовестное ограбление людей труда шайкой нуворишей, большинство которых является выходцами из партийно-хозяйственной номенклатуры КПСС.

В результате сторонники последовательной демократии растеряны и разобщены, а реакционеры типа Жириновского и Нины Андреевой набирают очки, умело используя справедливое недовольство трудящихся и оперируя теми самыми лозунгами и призывами, которые ранее были выдвинуты левыми некоммунистическими организациями, в том числе и Конфедерацией анархо-синдикалистов. Массовая измена депутатского корпуса и самого президента Ельцина своим предвыборным обещаниям и невозможность контроля за ними со стороны избирателей подтверждают КАСовский тезис о порочности парламентско-президентской системы и необходимости борьбы за народное самоуправление.

В надвигающемся столкновении власти с народом КАС и близкие ей по духу левые организации несомненно выбирают сторону народа. Но это вовсе не значит, что анархо-синдикалисты должны выступить в одних рядах со своими вчерашними и сегодняшними политическими противниками, которые сейчас тоже находятся в оппозиции к правительству. Борьба с буржуазной диктатурой имеет для КАС то же самое значение, что и недавняя борьба с диктатурой КПСС. Анархисты выступают против любого Государства, независимо от его политического и экономического строя, и не ставят своей целью

замену одного другим. КАС продолжает отстаивать идеи, которые она провозгласила в своем Программном документе в 1989 году. Не участвуя в борьбе за власть между национал-коммунистами и буржуазией, анархисты продолжают оставаться приверженцами третьего пути, сторонниками безгосударственного самоуправляющегося общества. Участвуя в борьбе трудящихся за свои права, КАС выступает под своим собственным знаменем Анархии, а не превращается в придаток коммунистического и национал-шовинистического движений, не растворяется в массе левых и левацких государственников всех направлений.

КАС остается социалистической организацией непартийного типа, верной лозунгу М.А.Бакунина: "Свобода без социализма - это привелегия и несправедливость, социализм без свободы - это рабство и скотство".

КАС В РАБОЧЕМ И ПРОФСОЮЗНОМ ДВИЖЕНИИ

В условиях наступившего экономического кризиса набирает силу борьба трудящихся за свои экономические интересы. На данный момент Конфедерация анархо-синдикалистов констатирует недостаточную массовость синдикалистских профсоюзов. Поэтому КАС заявляет о солидарности со всеми рабочими, стачечными комитетами и независимыми профсоюзами, которые участвуют в забастовочной борьбе за права трудящихся.

Консервативность аппарата и архаичность организации старых ("официальных") профсоюзов говорит о скором распаде этих структур, место которых ни в коем случае не должно остаться пустым так как это грозит разобщением людей труда. Работник не должен оставаться один на один с работодателем.

КАС, вместе с нарождающейся Партией труда, намерена участвовать в процессах реформирования старых профсоюзов. Главным же действующим лицом в этом процессе, несомненно является независимое рабочее движение, которое должно стать, по нашему мнению, основой новых борющихся профобъединений.

Что касается новых профсоюзов, КАС будет бороться с предательской позицией тех из них, кто поддерживает антинародную политику нынешних правительств. Так же КАС намерена разоблачать псевдопрофсоюзы, за которыми скрываются коммерческие и предпринимательские структуры, претендующие на выражение интересов трудящихся.

В данный момент, когда номенклатура переводит государственную собственность в свою частную, КАС еще острее ставит вопрос о передаче предприятий в собственность трудовых коллективов и о последовательном развитии производственного самоуправления. Своими союзниками в этом вопросе КАС считает независимые от администрации Советы трудовых коллективов. КАС выступает против соглашательских тенденций части профдвижения, против попыток свести его функции только к выбиванию подачек наемным работникам от государственных и частных работодателей.

ПОВОРОТНЫЕ МОМЕНТЫ И ПЕРЕДОВЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ТЕОРИИ

(К выходу первого номера журнала "Свободный договор")

> Появление нового течения
> в анархизме - анархо-демократии
> - стало поворотным моментом
> в его истории.
>
> Журнал АДС "Свободный договор",
> N 1, апрель 1992 г.

Честно признаться, анархическое движение стран СНГ не особенно балует своих реальных и потенциальных сторонников выпуском научной и популярной литературы по анархизму - газет, журналов, брошюр. Но к счастью (или к несчастью, об этом судить читателям), это все же иногда случается.

Газетно-журнальный голод в анархической среде, несмотря на все пышные декларации (см. хотя бы передовицу в первом номере нашего журнала или заявление по поводу общеанархической газеты в "Ан-Прессе"), сегодня ощущается гораздо более остро, чем три-четыре года назад, на заре анархического движения. Вместе с тем, уровень выпускаемой анархистами пропагандистской литературы и "теоретических журналов" гораздо ниже, чем тогда. И все же несмотря на это сами они похоже этого вовсе не замечают - почти каждое выходящее произведение получает благосклонную, в лучшем случае вежливо-нейтральную оценку "широкого анархического движения". Сегодня можно уже говорить о том, что это стало порочной традицией нашего движения. Но порочные традиции, как бы прочно они не укоренились в общественном сознании, должны быть разрушены. Поэтому направляя критические стрелы в адрес питерского "Свободного договора", я тем самым предлагаю всем желающим высказать свою критику и в адрес "Освобождения личности".

Все мы живем в мире, в котором каждому человеку его собственные дела представляются куда более важными и значимыми, чем дела его коллег. К сожалению, самокритика не в моде среди homo sapiens. Неудивительно поэтому, что всякое действие, производимое анархистами, сопровождается самоописаниями, куда более красочными, чем оно само. Стоит ли описывать тот жар, с которым десятки анархистов (и не только анархистов) периодически заявляют об изобретении очередной теории, призванной вытащить прозябающее движение в авангард социальной революции и спасти погибающее человечество от неминуемо грозящей ему катастрофы. Все мы неоднократно сталкивались с подобными людьми и подобными теориями и уже не очень то удивляемся при встрече. И все бы хорошо, если бы не одно обстоятельство - к сожалению программа общественного переустройства укладывается у ее авторов в несколько строк машинописного текста и носит характер скорее ультимативный, нежели дискуссионый и размышленческий. Те

проблемы, которым мыслители прошлого посвящали толстые томы и которые в большинстве случаев так и оставались нерешенными, получают свое гениальное объяснение в нескольких строчках.

Первый номер журнала "Свободный договор", выпущенный Петроградским Анархо-демократическим союзом, лишний раз подтверждает, сколь несерьезными (конечно, если смотреть со стороны) являются попытки наших анархистов предложить обществу программу глобального переустройства. Правда, уверенности в собственной значительности авторам анархо-демократической теории не занимать. Судите сами:

Каким бы слабым ни казалось (анархо-демократическое) течение, у него есть одно глобальное преимущество перед другими анархическими течениями - передовая теория. Анархо-демократам принадлежит честь разработки таких вопросов, как обоснование неизбежности исчезновения государства, путь эволюционного перехода к безгосударственному обществу, необходимость сочетания тактики системной и внесистемной оппозиции и ряд других. Без понимания всего этого любой анархист подобен слепцу, бредущему во мгле, амебе, реагирующей лишь на внешнее раздражение среды.

Все традиционные, созданные ранее анархические теории так или иначе основывались на утопических положениях революционности и классовсти, что превращало их в умозрительные схемы, не имеющие ничего общего с реальной жизнью, которая в свою очередь неоднократно демонстрировала их утопичность. Только анархо-демократы смогли разработать принципиально новое учение, избавленное от ошибок прошлого. Игнорирование его есть игнорирование процессов, характерных для развития человеческого общества.

Сила и слабость анархо-демократии.

Что же, воскликнет изумленный читатель, неужели все эти вопросы действительно нашли отражение на страницах "Свободного договора"? Расслабтесь... Ничего подобного. Тщетными будут усилия тех, кто попытается найти обоснование бесклассовости и эволюционности, или (воистину, впервые в истории анархизма!) обоснование неизбежности отмирания государства. Все это если и присутствует в анархо-демократической теории, то прочно спрятано в головах ее теоретиков и скорее носит характер глубоко интимного верования, чем идеи для дискуссии.

Подробнее на том насколько оригинальна и нова теория анархо-демократии я остановлюсь чуть позже. Теперь хотелось бы выяснить, знакомы ли авторы журнала с теми течениями общественной мысли, которые в их критическом обзоре укладываются в одном предложении, и которые на основании этого предложения безоговорочно списываются в архив, как явно устаревшие? Можно сколь угодно плохо относится к творчеству Петра Кропоткина, но чтобы достойно ответить ему, недостаточно микроскопической заметки вроде "Страшных вещей Кропоткина". Да, сегодня ясно, что многое в его работах безнадежно устарело, было ошибочным или безосновательно оптимистическим. Да, возможно именно тот факт, что до сих пор мечтательный Петр Алексеевич является самым

популярным анархическим писателем, объясняет мечтательность самого движения. Но спор об этом должен вестись аргументированно (тем более если он ведется на страницах "теоретического журнала"), а не на уровне газетных агиток в духе "Правды" или "Курантов".

И вот человек, прозванный "Освободителем", падает на мостовую набережной Екатерининского канала, а борец за освобождение всех угнетенных рукоплещет состоявшемуся. Как же случилось, что "золотое правило этики" сыграло с Кропоткиным столь дурную шутку? Представляется, что само по себе, взятое в "чистом виде", оно действительно способно оправдать любое насилие. Для недопущения такового необходимо использование "золотого правила" вкупе с рядом ограничителей, своеобразных нравственных табу, АКСИОМ, КОТОРЫЕ СТОИТ ПРИНЯТЬ БЕЗ КАКИХ-ЛИБО ЛОГИЧЕСКИХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ИХ ПРАВОТЫ - равенство это не справедливость, не убий, не сотвори революций и т.д. и т.п.

Страшные вещи Кропоткина. (Курсив мой - М.Ц.)

Много интересного найдет читатель и в размышлениях Павла Гескина о традиционных теориях анархизма, которые тот с поразительной легкостью отметает. Анархо-синдикализм, анархо-коммунизм, анархо-индивидуализм укладываются у него в чудовищные по своему лаконизму формулировки, несущие в себе такое же количество информации как аналогичные определения из какого-нибудь "Словаря политинформатора" 1982 года издания. (*) И это несмотря на то, что в активе первых двух из них не только толстые тома, но и реальный опыт массовых народных движений - Россия, Испания, Франция, Мексика, США и многие многие другие страны. Опыт этот гораздо богаче, чем те убогие формулы, в которые заключил его автор "Программы анархо-демократии". Опыт этот намного богаче и тех, многочисленных уже исследований, авторами которых были как сами участники движений, так и историки и социологи. Поэтому дискуссии по поводу махновщины, Испанской революции 30-х годов и других героических и трагических страниц анархического движения будут продолжаться еще долгое время, и поверьте, не без пользы.

Нескольких слов заслуживает и тема "силы и слабости анархо-демократии" и того, какой поворотнейший момент пережило наше движение около двух лет назад, когда теория эта была гениально сформулирована одним из основателей Анархо-демократического союза. В анархизме всегда существовало "правое", несоциалистическое крыло, склонявшееся больше в пользу либерализма, и к сожалению, повторявшее ошибки последнего. Может быть кто-то со мной не согласится, но я не нахожу ничего ОСОБЕННО анархического в призывах развивать "частную инициативу", уважать личную неприкосновенность и право частной

* Познакомившись с "Программой анархо-демократии", читатель, кстати, узнает много нового для себя, например то, что высшей ценностью синдикалистского общества являются интересы синдиката, причем последний является не разновидностью монополии, а независимым коллективом работников.

собственности - все это лозунги, используемые отнюдь не только анархистами (да и не все анархисты к тому же подпишутся под ними). Тем более не считаю я анархическим требование поддержки правительственного курса реформ и развития частного предпринимательства (куда анархо-демократы наверняка включают биржи, брокерские конторы, посчреднические фирмы и т.д., которые ныне так пышно цветут-пахнут на просторах бывшего СССР, внося огромный вклад в возрождение российской экономики.

Среди либералов на Западе существует довольно большое число людей, резко отрицательно относящихся к вмешательству государства в экономику и частную жизнь граждан. Но, как сами они, так и разделяющие эти идеи анархисты, не спешат броситься в объятия друг друга.

Главной целью Концепции Эволюционного Анархизма является постепенный переход к свободному (либертарному) безвластному обществу, основанному на принципах АНТИЭТАТИЗМА, ФЕДЕРАЛИЗМА, КАПИТАЛИЗМА, АНТИМИЛИТАРИЗМА и КОСМОПОЛИТИЗМА.

Декларация принципов эволюционного анархизма.

При ближайшем рассмотрении общих и различных моментов анархизма и либерализма высняется, что одной лишь нелюбви к государству и требований уважения прав человека недостаточно. Как показывает практика, предлагаемых либералами средств для достижения общества, в котором обеспечивается свобода личности, оказывается явно недостаточно. Этим и объясняется то, что, вопреки прекраснодушным отзывам наших журналистов и политиков, ни одна из западных стран не только не приблизилась к идеалу свободы и царства творческой инициативы, но все дальше отходит от него.

Да, действительно, либеральные ценности были в значительной мере восприняты анархизмом, и без этого последний был бы гораздо беднее. Однако то, как происходило это "заимствование" значительно отличается от того, как это предлагают сделать анархо-демократы. Анархизм, по справедливому утверждению Алексея Борового, а затем Рудольфа Рокера, стал синтезом социалистической и либеральной доктрин, и именно благодаря этому стало возможным избежать (по крайней мере теоретически) как эксплуатации со стороны частного предпринимателя, так и вмешательства в судьбы граждан со стороны как капиталистического, так и социалистического государства. Разрушая этот синтез в пользу одного из начал, мы тем самым, рискуем повторить ошибки прошлого. Более того, те, кто сегодня столь однозначно высказывается в защиту построения Развитого Капиталистического Никогда в нашей стране, рискует оказаться в одном лагере с Борисом Ельциным и Егором Гайдаром, стремящимися построить личное благополучие и благополучие узкой группы допущенных к кормушке за счет бессовестного ограбления миллионов простых людей.

Вполне левые сейчас и анархо-синдикалисты. Столь возмутивший нас поворот КАС-КОРа к рабочему движению, ОГОЛТЕЛАЯ КРИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА ЕЛЬЦИНА, ЗАПОЛНИВШАЯ СТРАНИЦЫ АНАРХО-

синдикалистской прессы, постоянные дружественные контакты с организациями типа SAC или откровенно революционного МТР...

Отмывание флага. (Курсив мой - М.Ц.)

Опасения эти, как мне кажется, не столь уж безосновательны. Если внимательно прочесть проекты резолюций, предложенные Питерским АДС пятому съезду КАС, то можно заметить странную вещь - аналитическая часть, посвященная экономическим реформам правительства почти полностью отсутствует, а вслед за этим идут предложения "расширить и углубить реформу". По меньшей мере странно слышать подобные призывы от людей, называющих себя анархистами. Тем более, что и далекие от анархизма люди, либералы вроде Кирилла Подрабинека и Валерии Новодворской, сегодня говорят о том, что "капитализм для всех" в этой стране никто не строит, более того - строить не собирается. Замечательно также и то, что некоторое время назад Валерия Ильинична в частной беседе с московскими анархо-синдикалистами заявила, что то, о чем предупреждал журнал "Община" в сентябре 1987 года сбылось.

Нет нужды лишний раз повторять аргументы, которые выдвигались анархо-синдикалистами и социалистами тогда, на заре перестройки, и сейчас, после того, как ее сменила обвальная приватизация, против "западного" (вернее сказать "латиноамериканского") пути развития. Критические замечания в адрес монопольного "рынка", создаваемого бывшей партноменклатурой, можно было услышать даже с экранов телевидения и со страниц вполне лояльных газет. Почему они до сих пор не услышаны анархо-демократами, для меня загадка. Также как загадка для меня и то, почему вполне традиционные либералы так упорно держатся за термин анархизм.

Михаил ЦОВМА

АНАРХИЗМ И СОВРЕМЕННАЯ КУЛЬТУРА

Философские и нравственные идеалы анархизма - заметный феномен современной культуры и современной цивилизации. Это закономерный результат многовековой духовной эволюции человечества. Страстное объединение полной свободы личности, благородства, исключительной моральной чистоты и воинственного стремления к совершенству, гармонии всегда были его политическими и интеллектуальными составляющими.

И именно в этом состоит его магнетическая сила и привлекательность. Пожалуй, не существует другого учения в мире, чья социальная и этическая доктрина так непосредственно связана с современной наукой. Великие его мыслители, философы, социологи, теоретики искусства и культуры, такие как Пьер Жозеф Прудон, Михаил Бакунин, Петр Кропоткин, Рудольф Рокер, Диего Абад де Сантиллиан, Герберт Рид, Даниэль Герин и Гастон Леваль, стали учеными с мировой известностью. Без их фундаментальных исследований и глубочайших научных учений, без их точного анализа социальной и политической действительности монументальное здание человеческой культуры было бы абсурдно и невозможно.

В центре внимания анархизма всегда были вечные экзистенциальные проблемы смысла человеческой жизни, так как именно социальные вопросы, связанные с конкретным бытием каждого человека, имеют жизненное значение как для его идеологии, так и для его днятельности. Опыт Парижской Коммуны, эпопея махновского движения и красноречивый пример испанской революции определенно доказывают это.

Анархические идеи не имеют ничего общего с догматическими постулатами и софистикой марксизма. Недальновидная этатизация и волюнтаристские эксперименты марксизма в экономике логично довели до катастрофических и трагических последствий. Создание из него государственного капитализма в типичном феодально-азиатском варианте было ничем иным, как колоссальным драматическим парадоксом, диаметрально противоположным истинно свободному безвластному коммунизму. Именно это стало причиной его неизбежного и полного краха.

Нет и не может быть никаких сомнений в том, что единственная реальная и объективная альтернатива существования человечества есть анархизм с его конструктивной социальной и нравственной программой для будущего общества свободы, взаимопомощи и равенства между людьми.

Современная культура есть своеобразная интерференция идей гуманизма. Анархизм является как бы высшим синтезом мудрости веков, тех идей, которые направляют новый мир на добро, истину и красоту земли. Гигантские параметры научно-технической революции в корне изменили картину мира, космополитизм и интернационализм в духовной жизни, мощные интеграционные процессы в экономике и грозящий планете экологический апокалипсис превращают государственные границы в жалкий анахронизм.

Этот необыкновенный, уникальный процесс в глобальных масштабах меняет мир. Прогрессивные и демократические идеи, бунтарские доминанты в авангардном искусстве и акцент на страстное человеколюбие современной культуры есть единственный духовный и психологический эквивалент развития человечества. Капитализм не имеет исторических перспектив даже на своих развалинах. Его влиятельные апологеты открыто признают, что существующие политические и экономические структуры генетически неспособны решить социальные, политические и нравственные проблемы.

Анархизм как мировоззрение, как луч света, дает исчерпывающий ответ на эти проблемы в единой стройной системе из наблюдений, принципов и ожиданий. Но для осуществления этого колоссального переустройства необходима огромная подготовительная работа, о которой говорили еще Кропоткин, Реклю, Малатеста, Беркман.

Бурное и тревожное время, в которое мы живем, ставит новые проблемы, которые имеют жизненно важное значение для человечества. Экологическая драма, страшный бич наркомании и зловещие темпы СПИДа встали на первое место. Это продукт иррационального общественно-политического устройства мира, которое не в состоянии спасти человека несмотря на огромные успехи науки. Поставлены под вопрос великие ценности цивилизации. Эти печальные и мрачные горизонты живут в будничном сознании людей. Жестокие классовые битвы как на Востоке, так и на Западе недвусмысленно говорят о том, что народы не могут оставаться на старом пути, что нужна коренная перемена.

Философия анархизма является динамичным учением с исключительным творческим зарядом и созидательными возможностями, способным построить справедливый мир. Анархические идеи, хотя и имеют долголетнюю историю, не являются метафизическими застывшими догмами, это открытое и развивающееся учение, которое аккумулирует в себе достижения и открытия современной науки. Не случайно к ним обращались такие известные интеллектуалы, философы, ученые и писатели как Сартр, Маркузе, Рассел, Фромм, Камю...

Анархизм в сущности является истинным апофеозом и воплощением современной культуры. В нем скрывается наидрагоценнейший интеллектуальный и нравственный потенциал, до которого еще не дорастал неукротимый и вечно торжествующий человеческий дух. Поэтому ему принадлежит будущее.

Христо БОЙЧЕВ (Болгария)

О ПОДПИСКЕ НА ЖУРНАЛ "ОСВОБОЖДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ"

КАК НИ НЕПРИЯТНО НАМ ЭТО СООБЩАТЬ ЧИТАТЕЛЯМ, НО ВОЛНА ШКВАЛЬНОЙ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ НЕ ОБОШЛА И НАС. В СВЯЗИ С РЕЗКИМ ПОДОРОЖАНИЕМ ЦЕН НА КСЕРОКС, ПОЧТОВЫЕ УСЛУГИ И Т.Д., ПОДСКОЧИЛА И ЦЕНА НАШЕГО ЖУРНАЛА. СЕЙЧАС ОНА СОСТАВЛЯЕТ 20 РУБЛЕЙ (ИЗ РАСЧЕТА 1 РУБЛЬ ЗА КСЕРОКОПИЮ ФОРМАТА А4), НО ВПОЛНЕ ВЕРОЯТНО, ЧТО И ЭТО "НЕ ПРЕДЕЛ". ОДНАКО ЕСЛИ ПОДОЙТИ К ЭТОМУ БЕЗ ЭМОЦИЙ, ТО ЭТО ЦЕНА ДВУХ БУХАНОК ХЛЕБА. ДОБРОВОЛЬНЫЕ ПОЖЕРТВОВАНИЯ ВСЯЧЕСКИ ПРИВЕТСТВУЮТСЯ.

О ЛИТЕРАТУРЕ, РЕВОЛЮЦИИ, ЭНТРОПИИ И ПРОЧЕМ

Евгений Замятин

> – Назови мне последнее число, верхнее, самое большое.
>
> – Но это же нелепо! Раз число чисел бесконечно, какое же последнее?
>
> – А какую же ты хочешь последнюю революцию? Последняя – это для детей: детей бесконечность пугает, а необходимо, чтобы дети спокойно спали... Последней нет, революции – бесконечны.
>
> Е.Замятин, роман "Мы".

Спросить вплотную: что такое революция?

Ответят луи-каторзно: революция – это мы; ответят календарно: месяц и число; ответят: по азбуке. Если же от азбуки перейти к складам, то вот:

Две мертвых, темных звезды сталкиваются с неслышным оглушительным грохотом и зажигают новую звезду: это революция. Молекула срывается с своей орбиты и, вторгнувшись в соседнюю атомическую вселенную, рождает новый химический элемент: это революция. Лобачевский одной книгой раскалывает стены тысячелетнего Эвклидова мира, чтобы открыть путь в бесчисленные неэвклидовы пространства – это революция.

Революция – всюду, во всем; она бесконечна, последней революции нет, нет последнего числа. Революция социальная – только одно из бесчисленных чисел: закон революции не социальный, а неизмеримо больше – космический, универсальный закон – такой же, как закон сохранения энергии, вырождение энергии (энтропии). Когда-нибудь установлена будет точная формула закона революции. И в этой формуле будут числовые величины: нации, классы, звезды – и книги.

* * *

Багров, огнен, смертелен закон революции; но эта смерть – для зачатия новой жизни, звезды. И холоден, синь, как лед, как ледяные межпланетные бесконечности – закон энтропии. Пламя из багрового становится розовым, ровным, теплым, не смертельным, а комфортабельным; солнце стареет в планету, удобную для шоссе, магазинов, постелей, проституток, тюрем: это закон. И чтобы снова зажечь молодостью планету, нужно зажечь ее , нужно столкнуть ее с плавного шоссе эволюции: это закон.

Пусть пламя остынет завтра, послезавтра (в книге Бытия - дни равняются годам, векам). Но кто-то должен видеть это уже сегодня и уже сегодня еретически говорить о завтра. Еретики - единственное (горькое) лекарство от энтропии человеческой мысли.

* * *

Когда пламенно-кипящая сфера (в науке, религии, социальной жизни, искусстве) остывает, огненная магма покрывается догмой - твердой, окостенелой, неподвижной корой. Догматизация в науке, религии, социальной жизни, в искусстве - энтропия мысли; догматизированное уже не сжигает, оно - только греет, оно - тепло, оно - прохладно. Вместо нагорной проповеди под палящими лучами солнца, над воздетыми руками и рыданиями - дремотная молитва в благолепном аббатстве; вместо трагического Галлилеева "А все-таки она вертится", - спокойные вычисления в теплом кабинете обсерватории. На Галлилеях эпигоны медленно, полипно, корралово строят свое: путь эволюции. Пока новая ересь не взорвет кору догмы и все возведенные на ней прочнейшие, каменнейшие постройки.

* * *

Взрывы мало удобная вещь. И потому взрывателей, еретиков, справедливо истребляют огнем, топором, словом. Для всякого сегодня, для всякой эволюции, для трудной, медленной, полезной, полезнейшей, созидательной, коралловой работы - е р е т и к и вредны: они нерасчетливо, глупо вскакивают в сегодня из завтра, они - романтики. Бабефу в 1797 году справедливо отрубили голову: он заскочил в 1917 год, перепрыгнув через полтораста лет. Справедливо рубят голову еретической, посягающей на догмы, литературе: эта литераура - вредна.

Но вредная литература полезнее полезной: потому что она - антиэнтропийна, она - средство борьбы с обызвествлением, склерозом, корой, мхом, покоем. Она утопична, нелепа -- как Бабеф в 1797 году: она права через полтораста лет.

* * *

Ну, а двуперсники, Аввакумы ведь тоже еретики?

Да, и Аввакумы - полезны. Если бы Никон зна Дарвина, он бы ежедневно служил молебен о здравии Аввакума.

Мы знаем Дарвина, знаем, что после Дарвина - мутации, вейсманизм, неоламаркизм. Но это все - балкончики, мезонины: здание - Дарвин. И в этом здании - не только головастики и грибы - там и человек тоже. Клыки оттачиваются только тогда, когда есть кого грызть; у домашних кур крылья только для того, чтобы ими хлопать. Для идей и кур - один и тот же закон: идеи, питающиеся котлетками, беззубеют так же, как цивилизованные котлетные люди. Аввакумы нужны для здоровья; Аввакумов нужно выдумать, если их нет.

* * *

Но они – вчера. Живая литература живет не по вчерашним часам, и не по сегодняшним, а по завтрашним. Это – матрос, посланный вверх, на мачту, откуда ему видны гибнущие корабли, видны айсберги и мальстремы, еще не различимые с палубы. Его можно стащить с мачты и поставить к котлам, к кабестану, но это ничего не изменит: останется мачта – и другому с мачты будет видно то же, что первому.

Матрос на мачте – нужен в бурю. Сейчас – буря, с разных сторон – слышны SOS. Еще вчера писатель мог спокойно разгуливать по палубе, щелкая кодаком (быт); но кому придет в голову разглядывать на пленочках пейзажи и жанры, когда мир накренился на 45 градусов, разинуты зеленые пасти, борт трещит? Сейчас можно смотреть и думать только, как перед смертью: ну вот умрем – и что же? прожили и как? если жить – сначала, по-новому – то чем, для чего? Сейчас в литературе нужны огромные, мачтовые, аэропланные, философские кругозоры, нужны самые последние, самые страшные, самые бесстрашные "Зачем?" и "А что дальше?"

* * *

Так спрашивают дети. Но ведь дети – самые смелые философы: они приходят в жизнь голые, не прикрытые ни единым листочком догм, абсолютов, вер. Оттого всякий их вопрос так нелепо наивен и так пугающе сложен. Те, новые, кто входит сейчас в жизнь, – голы и бесстрашны, как дети, и у них также как у детей, как у Шопенгауэра, Достоевского, Ницше "зачем?" и "что дальше?" Гениальные философы, дети и народ – одинаково мудры, потому что они задают одинаково глупые вопросы. Глупые – для цивилизованного человека, имеющего хорошо обставленную квартиру, с прекрасным клозетом, и хорошо обставленную догму.

* * *

Органическая химия уже стерла черту между живой и мертвой материей. Ошибочно разделять людей на живых и мертвых: есть люди живые-мертвые и живые-живые. Живые-мертвые тоже пишут, ходят, говорят, делают. Но они не ошибаются; не ошибаясь – делают только машины, но они делают только мертвое. Живые-живые – в ошибках, в поисках, в вопросах, в муках.

Так и то, что мы пишем: это ходит и говорит, но оно может быть живое-мертвое или живое-живое. По-настоящему живое, ни перед чем и ни на чем не останавливаясь, ищет ответов на нелепые, "детские" вопросы. Пусть ответы неверны, пусть философия ошибочна – ошибки ценнее истин: истина – машинное, ошибка – живое, истина – успокаивает, ошибка – беспокоит. И пусть даже ответы невозможны совсем – тем лучше – заниматься отвеченными вопросами – привилегия мозгов, устроенных по принципу коровьей требухи, как известно, приспособленной к перевариванию жвачки.

* * *

Если бы в природе было что-нибудь неподвижное, если бы были истины - все это было бы, конечно, неверно. Но, к счастью, все истины - ошибочны: диалектический процесс именно в том, что сегодняшние истины - завтра становятся ошибками; последнего числа - нет.

Эта (единственная) истина - только для крепких: для слабонервных мозгов - непременно нужна ограниченнсть вселенной, последнее число, "костыли доверенности" - словами Ницше. У слабонервных не хватает сил в диалектический силлогизм включить и самих себя. Правда, это трудно. Но это - то самое, что удалось сделать Эйнштейну: ему удалось вспомнить, что он, Эйнштейн, с часами в руках наблюдавший движение, - тоже движется, ему удалось на земные движения посмотреть и з в н е.

Так именно смотрит на земные движения большая, не знающая последних чисел, литература. (...)

* * *

Формальный признак живой литературы - тот же самый, что и внутренний: отречение от истины, то есть от того, что все знают и до этой минуты я знал - сход с канонических рельс, с широкого большака.

Большак русской литературы, до лоску наезженный гигантскими ободами Толстого, Горького, Чехова - реализм, быт: следовательно, надо уйти от быта. Рельсы, до святости канонизированные Блоком, Сологубом, Белым, - отрекшийся от быта символизм: следовательно - надо уйти к быту. Абсурд, да. Пересечение параллельных линий - тоже абсурд. Но это абсурд только в канонической, плоской геометрии Эвклида: в геометрии неэвклидовой - это аксиома. Нужно только перестать быть плоским, подняться над плоскостью. Для сегодняшней литературы плоскость быта - то же, что земля для аэроплана: только путь для разбега - чтобы потом вверх - от быта к бытию к философии, к фантастике. По большакам, по шоссе - пусть скрипят вчерашние телеги. У живых хватает сил отрубить свое вчерашнее: в последних рассказах Горького - вдруг фантастика, в "Двенадцати" Блока - вдруг уличная частушка, в "Эпопее" Белого - вдруг арбатский быт.

* * *

Посадить в телегу исправника или комиссара, телега все равно останется телегой. И все равно литература останется вчерашней, если везти даже и "революционный быт" по наезженному большаку - если везти даже на лихой с колокольцами тройке. Сегодня нужны автомобиль, аэроплан, мельканье, лет, точки, секунды, пунктиры.

Старых, медленных, дормезных описаний нет: лаконизм - но огромная заряженность, высоковольтность каждого слова. В секунду нужно вжать столько, сколько раньше в шестидесятисекундную минуту: и синтаксис эллиптичен, летуч, сложные пирамиды периодов разобраны по камням самостоятельных предложений. В быстроте движения канонизированное, привычное ускользает от глаза: отсюда необычная, часто странная символика и лексика. Образ - остр, синтетичен, в нем - только одна основная черта, какую успеешь

приметить с автомобиля. В освященный привычкой словарь московских просвирен - вторглись уездное, неологизмы, наука, математика, техника.

Если это сочтут за правило, то талант в том, чтобы правило сделать исключением; гораздо больше тех, кто исключение превращает в правило.

* * *

Наука и искусство - одинаковы в проектировании мира на какие-то координаты. Различные формы - только в различении координат. Все реалистические формы - проектирование на неподвижные, плоские координаты Эвклидова мира. В природе этих координат нет, этого ограниченного, неподвижного мира нет, он - условность, абстракция, нереальность. И потому реализм - нереален: неизмеримо ближе к реальности проектирование на мчащиеся кривые поверхности - то, что одинаково делает новая математика и новое искусство. Реализм не примитивный, не realia, а realiora - в сдвиге, в искажении, в кривизне, в необъективности. Объективен - объектив фотографического аппарата.

Основные признаки новой формы - быстрота движения (сюжета, фразы), сдвиг, кривизна (в символике и лексике) - не случайны: они следствие новых математических координат.

Новая форма не для всех понятна, для многих трудна? Возможно. Привычное, банальное - конечно, проще, приятней, уютней. Очень уютен Вересаевский тупик. Очень прост Эвклидов мир и очень труден Эйнштейнов - и все-таки уже нельзя вернуться к Эвклиду. Никакая революция, никакая ересь - не уютны и не легки. Потому что это скачок, это - разрыв плавной эволюционной кривой, а разрыв - это рана, боль. Но ранить нужно: у большинства людей - наследственная сонная болезнь, а больным этой болезнью (энтропией) - нельзя давать спать, иначе - наступит последний сон, смерть.

Эта же болезнь - часто у художника, писателя: сыто заснуть в однажды изобретенной и дважды усовершенствованной форме. И нет силы ранить себя, разлюбить любимое, из обжитых, пахнущих лавровым листом покоев - уйти в чистое поле и там начать заново.

Правда, ранить себя - трудно, даже опасно. "Двенадцатью" - Блок смертельно ранил себя. Но живому - жить сегодня, как вчера, и вчера, как сегодня - еще труднее.

1923 г.

Привет,

я голландский анархо-индивидуалист. Я считаю, что личность не должна подчиняться высшим интересам и властям, а только самой себе. Я считаю, что это лучшая основа для общества.

Я слышал, что и в СНГ есть анархисты-индивидуалисты.

Мой адрес: Stefan van Glabbeek
Rijnstraat 5a
2311 NJ Leiden
Netherlands

Живите свободными!
Стефан

НЕРАСПЫЛАВШИЙСЯ ОГОНЬ

Алексей Боровой. Бакунин. Очерк социально-философских идей замечательного русского революционера-анархиста. Москва, "Катализатор умственного брожения", 1992.

Грустно в очередной раз после почти семидесяти лет, прошедших с момента выхода юбилейного бакунинского сборника в 1926 году, повторять сказанные тогда Алексеем Боровым слова о том, что "его (Бакунина) идейное наследство исследовано в ничтожной мере". Но есть в этом и своя положительная сторона - процесс осмысления Бакунина не закончен, не остановился, и потому есть надежда на то, что со временем появятся новые, творческие и оригинальные интерепретации его идей.

Бакунин вернулся к нам не так уж давно. Весной 1989 года, благодаря стараниям его историографов и последователей, впервые с 1926 года в России "легально" отмечался его юбилей. Первые ласточки, возвестившие о возвращении Михаила Александровича в Россию, появились еще раньше - осенью восемьдесят седьмого, когда первый номер журнала "Община" открылся "Бакунинской критикой государственного социализма". Тогда, пять лет назад, казалось, что настает час Бакунина. Его критика марксистского государства была разрушительна, его провидческий талант, предсказавший в мельчайших подробностях жизнь в коммунистической казарме, казался невероятным. Его идеи обрели вторую жизнь.

Бакунин оказался необычайно актуален, в этом он опередил многих, даже более близких к нашей эпохе, мыслителей. Как и в начале века очередной "призыв к анархии" проходил под знаменем возвращения к идеям бакунизма. Как и всякое новое поколение, молодое поколение русских анархистов выдвинуло свою оригинальную интерпретацию, в которой чудесным образом переплелись идеи о личности как цели и средстве прогресса человеческого общества, о необходимсти подлинного, а не декларируемого коллективизма, равно далекого от казарменности и от крайнего индивидуализма. Философские размышления середины прошлого века звучали как самая жизненная и современная программа социалистического переустройства.

В тогдашних горячих политических дебатах драгоценнейшее философское наследие Михаила Бакунина отходило как бы на второй план, но рано или поздно на него должны были обратить внимание. Собственно недостаток этого внимания и побудил меня начать издание анархической литературы именно с замечательного очерка Алексея Борового - одной из самых интересных и удачных попыток по достоинству

оценить вклад Бакунина в сокровищницу общественной мысли.

Подобная работа (я имею ввиду анализ учения столь крупного мыслителя) не под силу человеку, относящемуся к своему герою с прохладцей. Только любя Бакунина можно по-настоящему его оценить, только неравнодушный и пристрастный исследователь имеет возможность действительно разобраться в "циклопическом бакунинском синтезе".

"В его творении - своеобразном, беспорядочном, огромном - было бы напрасным искать - простоты, прозрачности, меры... Правильным, единственно правильным... было бы оценить его творение, как великое жизненное дело, в целом, стремиться почувствовать его мысль и пафос, отделить в нем собственно бакунинское, впервые и только им сказанное, от преходящих исторических наслоений, от "случайных" прихотей момента".

Алексей Боровой. Бакунин.

Очерк Алексея Борового в этом смысле как нельзя более удачная попытка. Именно сегодня читатели впервые по-настоящему смогут оценить его. Ведь когда он вышел в сборнике, выпущенном анархо-синдикалистским издательством "Голос Труда", тираж его был очень небольшим, да к тому же диктатура "пролетарской партии" уже прочно стояла на ногах и беспощадно давила любое инакомыслие. Предлагаемое читателям исследование наверняка покажется интересным и нетрадиционным. Несмотря на достаточно небольшой объем в нем нашли отражение представления Бакунина о природе человека и его свободы, о государстве, науке, религии, патриотизме, революции и синдикализме. В отличие от других исследователей, Алексей Боровой попытался отойти от традиционных подходов к Бакунину лишь как к "представителю революционного народничества" и "стороннику исторического материализма". Ведь при желании в творчестве Бакунина можно найти и идеи, позднее получившие развитие в интуитивной философии Бергсона, значительно отличающиеся от сухо-рационалистических построений Кропоткина и кропоткинианцев.

Безусловно, небольшой очерк не заменит куда более полных исследований и трудов самого Михаила Бакунина. Но он именно в силу своего нетрадиционного подхода, позволит взглянуть на Бакунина совершенно по-иному и по достоинству оценить его разрушительный и созидательный пафос. Кстати, и бакунинский афоризм "Страсть к разрушению есть вместе с тем творческая страсть", по сей день вызывающий споры и недоразумения, предстанет перед читателями как "с гениальным лаконизмом выраженная формула культуры". Хочется надеяться, что публикация очерка "Бакунин" приблизит тот час, когда его герой займет подобающее ему место в ряду величайших мыслителей.

Михаил ЦОВМА

МЕЖДУНАРОДНАЯ КРОПОТКИНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

9 декабря 1992 года исполняется 150 лет со дня рождения замечательного русского революционера-анархиста, ученого и общественного деятеля Петра Алексеевича Кропоткина.

С 9 по 14 декабря в Москве, Петрограде и Дмитрове пройдет международная научная конференция, организуемая Комиссией по научному изучению наследия Кропоткина при Институте экономики Российской Академии Наук. На конференцию съедутся ученые - историки, социологи, географы, биологи и др. - занимающиеся исследованием богатейшего наследия Петра Алексеевича. Приглашены на эту конференцию и анархисты из разных стран.

Работа конференции будет построена по секциям:
- биография Кропоткина
- история, социология, этика
- естественные науки и география
- анархизм

Организаторы конференции заинтересованы в том, чтобы было представлено как можно больше докладов по различным аспектам многогранного кропоткинского наследия. Московские анархисты уже приняли решение об участии в конференции и представят несколько докладов для анархической секции. Мы предлагаем и другим заинтересованным лицам принять участие в конференции и выступить на ней с докладами.

О своем желании представить доклад на конференции и о выбранной вами теме вы можете сообщить по адресу Комиссии по научному изучению наследия Кропоткина или по адресу журнала "Освобождение личности".

117218 Москва, ул.Красикова, д.27
Институт экономики Российской Академии Наук
Комиссия по научному изучению наследия Кропоткина

АЛЕКСЕЙ БОРОВОЙ. БАКУНИН.

Очерк Алексея Борового "Бакунин", впервые опубликованный в 1926 году в юбилейном сборнике издательства "Голос Труда", представляет собой чудесный "путеводитель" по бакунинской философии и, надеемся, даст обильную пищу для размышлений не только анархистам. В ближайшее время мы надеемся выпустить ее массовым тиражом, пока же можно рассчитывать на ксерокопированную брошюру (хорошего качества) формата "Освобождения личности". Объем брошюры 48 стр. Стоимость 15 руб.

ОБРАЩЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННОГО КОМИТЕТА КОНФЕРЕНЦИИ АНАРХО-СИНДИКАЛИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ СТРАН ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Дорогие друзья!

Складывающаяся в странах Восточной Европы обстановка не может оставить нас равнодушными. Бывшие партаппаратчики и номенклатура, пользуясь властью и награбленными деньгами распродают богатство наших стран зарубежным бизнесменам, обогащаясь за наш счет. Такая ситуация вызывает необходимость выработки единой позиции и координации действий между анархо-синдикалистскими организациями Восточной Европы.

С этой целью 2-4 октября 1992 года в Киеве созывается Конференция анархо-синдикалистских организаций стран Восточной Европы. В ее организации принимают участие Объединение солидарных профсоюзов Украины, Конфедерация анархо-синдикалистов, Информационный Центр рабочего и профсоюзного движения "КАС-КОР". Идея проведения конференции поддержана Восточно-Германским отделением Международного товарищества рабочих (FAU-AIT).

Мы предполагаем обменяться информацией с мест, обсудить вопросы координации действий анархо-синдикалистов, положение в мировом синдикалистскм движении, выработать общие принципы деятельности. Один день Конференции предполагается посвятить работе по секциям (профсоюзная, экологическая и т.д.).

Рабочий язык Конференции - русский, вспомогательный - английский.

Мы приглашаем принять участие в конференции представителей организаций анархо-синдикалистской направленности, а также организаций, выступающих за производственное и территориальное самоуправление, активистов независимых профсоюзов и рабочих организаций левой ориентации.

Учитывая высокую стоимость проезда и проживания для участников конференции из республик бывшего СССР, Оргкомитет постарается найти возможность для частичной оплаты проезда делегатам.

Пожалуйста, вышлите в адрес Оргкомитета свои предложения, касающиеся проведения конференции (повестка дня и т.д.) и материалы, которые вы считаете необходимым размножить и раздать делегатам. Мы также просим все организации, желающие принять участие в конференции сообщить в Оргкомитет:

1. Сколько делегатов вы намерены направить на Конференцию?
2. Нуждаетесь ли вы в финансовой помощи для покрытия расходов на проезд (примерная сумма)?
3. Можете ли вы внести денежный вклад (и какой) в фонд проведения Конференции?

Адрес Оргкомитета Конференции:	Контактный адрес в Киеве:
129642 Москва, а/я 16	252167 Киев, а/я 41
Информационный Центр	Солидарные профсоюзы Украины
"КАС-КОР"	Телефон: (044) 555-09-83
Телефон: (095) 921-06-55	Александр Шейкин

ЧТО ТАКОЕ ГРУППА ИМЕНИ АЛЕКСЕЯ БОРОВОГО?

Группа им.Алексея Борового - независимая внеорганизационная структурная единица анархического движения. Она не ставит своей целью вести рабочих, крестьян и трудовую интеллигенцию стройными рядами в "анархическое общество", поскольку не верит в существование рая на Земле.

Группа им.Алексея Борового не участвует в склоках, которыми славится анархическое движение на территории бывшего СССР. Это - катализатор умственного брожения: она выдвигает идеи для дискуссии, дает информацию к размышлению, пытается разбудить творческую энергию в гомо советикусах (частью которых она является).

Как войти в чудесный мир группы им.Алексея Борового? Нет ничего проще! Для этого необходимо лишь:
- уметь читать
- быть способным осуществлять некоторые мыслительные операции.

Как видите условий немного - наша группа не ставит задачу стать элитарной. Мы лишь отвергаем идиотизм как средство достижения светлых идеалов. Также не являемся мы поклонниками холодного рационализма. Мы проповедуем свободу личности и творчество.

Группа им.Алексея Борового не стремится к росту рядов, потому что даже один человек (а именно такова численность нашей группы), вооруженный революционной теорией анархизма, может быть гораздо активнее, чем некоторые альянсы, союзы, федерации (with a little help from my friends, конечно).

